

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ
О ЛЮБВИ

Владимир Маяковский

О любви

«Public Domain»

Маяковский В. В.

О любви / В. В. Маяковский — «Public Domain»,

Маяковский умел любить всеохватывающей, неуклюжей, беззащитной любовью. Она была больше его, и это прекрасное и чудовищное чувство, взрывающее все его стихи изнутри, в конце концов и погубило поэта. «Любовная лодка разбилась о быт». Кроме стихотворений о любви, в книгу включены письма поэта к Лиле Брик.

Содержание

Любовь	5
Лиличка!	6
Несколько слов о моей жене	8
Пустяк у Оки	9
Ко всему	10
Отношение к барышне	14
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви	15
Письмо Татьяне Яковлевой	19
Любовь	22
В авто	26
Военно-морская любовь	27
Следующий день	28
А вы могли бы?	30
Вывескам	31
Пролог	32
Гейнеобразное	34
Маруся отравилась	35
За женщиной	37
Послушайте!	38
Вместо оды	39
Что?	42
Весна	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Маяковский

О любви.

Любовь

Девушка пугливо куталась в болото,
ширились зловеще лягушечьи мотивы,
в рельсах колебался рыжеватый кто-то,
и укорно в буклях проходили локомотивы.

В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветрянбй мазурки,
и вот я – озноенный июльский тротуар,
а женщина поцелуи бросает – окурки!

Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепеке
пьяные вина в меха-груди,
дождь-поцелуи в угли-щеки.

Лиличка! Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученыховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, иступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссецась.

Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гирия ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом умóрят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,

а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он

любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?

Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

Несколько слов о моей жене

Морей неведомых далеким пляжем
идет луна —
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая.
За экипажем
крикливо тянется толпа созвездий
пестрополосая.

Венчается автомобильным гаражом,
целуется газетными киосками,
а шлейфа млечный путь моргающим пажем
украшен мишурными блестками.

А я?

Несло же, палимому, бровей коромысло
из глаз колодцев студёные ведра.
В шелках озерных ты висла,
янтарной скрипкой пели бедра?
В края, где злоба крыш,
не кинешь блеской лесни.
В бульварах я тону, тоской песков оваян:

ведь это ж дочь твоя —
моя песня
в чулке ажурном
у кофеен!

Пустяк у Оки

Нежно говорил ей —
мы у реки
шли камышами:
«Слышите: шуршат камыши у Оки.
Будто наполнена Ока мышами.
А в небе, лучик сережкой вдев в ушко,
звезда, как вы, хорошая, — не звезда, а девушка...
А там, где кончается звездочки точка,
месяц улыбается и заверчен, как
будто на небе строчка
из Аверченко...
Вы прекрасно картавите.
Только жалко Италию...»
Она: «Ах, зачем вы давите
и локоть и талию.
Вы мне мешаете
у камыша идти...»

Ко всему

Нет.
Это неправда.
Нет!
И ты?
Любимая,
за что,
за что же?!
Хорошо —
я ходил,
я дарил цветы,
я ж из ящичка не выкрал серебряных ложек!

Белый,
сшатался с пятого этажа.
Ветер щеки ожег.
Улица клубилась, визжа и ржа.
Похотливо взлазил рожок на рожок.

Вознес над суетой столичной одури
строгое —
древних икон —

чело.
На теле твоём – как на смертном о́дре —
сердце
дни
кончило.

В грубом убийстве не пачкала рук ты.
Ты
уронила только:
«В мягкой постели
он,
фрукты,
вино на ладони ночного столика».

Любовь!
Только в моем
воспаленном
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите —
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!

Помните:
под ношей креста
Христос
секунду

усталый стал.
Толпа орала:
«Марала!
Маааррраала!»

Правильно!
Каждого,
кто
об отдыхе взмолится,
оплюй в его весеннем дне!
Армии подвижников, обреченным добровольцам
от человека пощады нет!

Довольно!

Теперь —
клянусь моей языческой силою! —
дайте
любую
красивую,
юную, —
души не растрочу,
изнасилую
и в сердце насмешку плюну ей!

Око за око!

Севы мести в тысячу крат жни!
В каждое ухо ввой:

вся земля —
каторжник
с наполовину выбритой солнцем головой!

Око за око!

Убьете,
похороните —
выроюсь!
Об камень обточатся зубов ножи еще!
Собакой забьюсь под нары казарм!
Буду,
бешеный,

вгрызаться в ножища,
пахнувшие потом и базаром.

Ночью вскóчите!

Я

звал!

Белым быком возрос над землей:

Муууу!

В ярмо замучена шея-язва,
над язвой смерчи мух.

Лосем обернусь,

в провода

впутаю голову ветвистую

с налитыми кровью глазами.

Да!

Затравленным зверем над миром выстою.

Не уйти человеку!

Молитва у рта, —

лег на плиты просящ и грязен он.

Я возьму

намалюю

на царские врата

на божьем лице Разина.

Солнце! Лучей не кинь!

Сохните, реки, жажду утолить не дав ему, —

чтоб тысячами рождались мои ученики

трубить с площадей анафему!

И когда,

наконец,

на веков верхи став,

последний выйдет день им, —

в черных душах убийц и анархистов

зажгусь кровавым видением!

Светает.

Все шире разверзается неба рот.

Ночь

пьет за глотком глоток он.

От окон зарево.

От окон жар течет.

От окон густое солнце льется на спящий город.

Святая месть моя!

Опять
над уличной пылью
ступенями строк ввысь поведи!
До края полное сердце
вылью
в исповеди!

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот – я,
весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.

Отношение к барышне

Этот вечер решал —
не в любовники выйти ль нам? —
темно,
никто не увидит нас.
Я наклонился действительно,
и действительно
я,
наклонясь,
сказал ей,
как добрый родитель:
«Страсти крут обрыв —
будьте добры,
отойдите.
Отойдите,
будьте добры».

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви

Простите
меня,
товарищ Костров,
с присущей
душевной ширью,
что часть
на Париж отпущенных строк
на лирику
я
растранжирю.
Представьте:
входит
красавица в зал,
в меха
и бусы оправленная.
Я
эту красавицу взял
и сказал:
– правильно сказал

или неправильно? —
Я, товарищ, —
из России,
знаменит в своей стране я,
я видал
девиц красивей,
я видал
девиц стройнее.
Девушкам
поэты любви.
Я ж умен
и голосист,
заговариваю зубы —
только
слушать согласись.
Не поймать
меня
на дряни,
на прохожей
паре чувств.
Я ж
навек
любовью ранен —

еле-еле волочусь.

Мне
любовь

не свадьбой мерить:

разлюбила —

уплыла.

Мне, товарищ,

в высшей мере

наплевать

на купола.

Что ж в подробности вдаваться,

шутки бросьте-ка,

мне ж, красавица,

не двадцать, —

тридцать...

с хвостиком.

Любовь

не в том,

чтоб кипеть крутей,

не в том,

что жгут угольями,

а в том,

что встает за горами грудей

над

волосами-джунглями.

Любить —

это значит:

в глубь двора

вбежать

и до ночи грачьею,

блестя топором,

рубить дрова,

силой

своей

играючи.

Любить —

это с простынь,

бессонницей рваных,

срывать,

ревнуя к Копернику,

его,

а не мужа Марьи Ивановны,

считая

своим

соперником.

Нам

любовь

не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор.

Вы
к Москве
порвали нить.
Годы —
расстояние.
Как бы
вам бы
объяснить
это состояние?
На земле
огней — до неба...
В синем небе
звезд —
до черта.
Если б я
поэтом не был,
я бы
стал бы
звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат
авто

по улице,
а не свалят наземь.
Понимают
умницы:
человек —
в экстазе.
Сонм видений
и идей
полон
до крышки.
Тут бы
и у медведей
выросли бы крылышки.

И вот
с какой-то
грошовой столовой,
когда
докипело это,
из зева
до звезд
взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
хвост
небесам на треть,
блестит

и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды смотреть
из ихней
беседки сиреновой.
Чтоб подымать,
и вести,
и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражьи
головы
спиливать с плеч
хвостатой
сияющей саблей.
Себя
до последнего стука в груди,
как на свиданьи,
простаивая,
прислушиваюсь:
любовь загудит —
человеческая,
простая.
Ураган,
огонь,
вода
подступают в ропоте.

Кто
сумеет
совладать?
Можете?
Попробуйте...

Письмо Татьяне Яковлевой

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.
Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав —
тубо —
собакам
озверевшей страсти.

Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселенный,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
молний поступь,
гром
ругней
в небесной драме, —
не гроза,

а это

просто
ревность
двигает горами.
Глупых слов
не верь сырью,
не пугайся
этой тряски, —
я взнуздаю,
я смирю
чувства
отпрысков дворянских.
Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,
буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
жены,
слезы...
ну их! —
вспухнут веки,
впору Вию.
Я не сам,
а я

ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты —
ста миллионам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны —
спортом
выпрямишь не многих, —
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.

Не тебе,
в снега
и в тиф
шедшей
этими ногами,
здесь

на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.
Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

Любовь

Мир
опять
цветами оброс,
у мира
весенний вид.
И вновь
встает
нерешенный вопрос —
о женщинах
и о любви.
Мы любим парад,
нарядную песню.
Говорим красиво,
выходя на митинг.
Но часто
под этим,
покрытый плесенью,
старенький-старенький бытик.
Поет на собрание:

«Вперед, товарищи...»
А дома,
забыв об арии сольной,
орет на жену,
что щи не в наваре
и что
огурцы
плоховато просолены.
Живет с другой —
киоск в ширину,
бельем —
шантанная дива.
Но тонким чулком
попрекает жену:
– Компрометируешь
пред коллективом. —
То лезут к любой,
была бы с ногами.
Пять баб
переменит
в течение суток.
У нас, мол,
свобода,
а не моногамия.
Долой мещанство

и предрассудок!

С цветка на цветок
молодым стрекозлом
порхает,
летает
и мечется.
Одно ему
в мире
кажется злом —
это
алиментщица.
Он рад умереть,
экономя треть,
три года
судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще
кастрат.
А любят,
так будь
монашенкой верной —
тиранит
ревностью
всякий пустяк
и мерит
любовь

на калибр револьверный,
неверной
в затылок
пулю пуся.
Четвертый —
герой десятка сражений,
а так,
что любо-дорого,
бежит
в перепуге
от туфли жениной,
простой туфли Мосторга.
А другой
стрелу любви
иначе метит,
путает
– ребенок этакий —
уловенье
любимой
в романические сети

с повышеньем
подчиненной по тарифной сетке...
По женской линии
тоже вам не райские скинии.
Простенького паренька
подцепила

барынька.
Он работать,
а ее
не удержать никак —
бегает за клёшем
каждого бульварника.
Что ж,
сиди
и в плаче
Нилом нилься.
Ишь! —
Жених!
— Для кого ж я, милые, женился?
Для себя —
или для них? —
У родителей
и дети этакого сорта:
— Что родители?
И мы
не хуже, мол! —
Занимаются
любовью в виде спорта,
не успев
вписаться в комсомол.
И дальше,
к деревне,

быт без движеньица —
живут, как и раньше,
из года в год.
Вот так же
замуж выходят
и женятся,
как покупают
рабочий скот.
Если будет
длиться так
за годом годик,
то,
скажу вам прямо,
не сумеет
разобрать

и брачный кодекс,
где отец и дочь,
который сын и мама.
Я не за семью.
В огне
и в дыме синем
выгори
и этого старья кусок,
где шипели
матери-гусыни
и детей

стерег
отец-гусак!
Нет.
Но мы живем коммуной
плотно,
в общежитиях
грязнеет кожа тел.
Надо
голос
подымать за чистоплотность
отношений наших
и любовных дел.
Не отвиливай —
мол, я не венчан.
Нас
не поп скрепляет тарабарящий.
Надо
обвязать
и жизнь мужчин и женщин
словом,
нас объединяющим:
«Товарищи».

В авто

«Какая очаровательная ночь!»
«Эта,
(указывает на девушку),
что была вчера,
та?»
Выговорили на тротуаре
«поч-
перекинулось на шины
та».
Город вывернулся вдруг.
Пьяный на шляпы полез.
Вывески разинули испуг.
Выплювывали
то «О»,
то «S».
А на горе,
где плакало темно
и город

робкий прилез,
поверилось:
обрюзгло «О»
и гадко покорное «S».

Военно-морская любовь

По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица.

Льнет, как будто к меду осочка,
к миноносцу миноносочка.

И конца б не довелось ему,
благодаршею миноносъему.

Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки.

Как взревет медноголосина:
«Р-р-р-астакая миноносина!»

Прямо ль, влево ль, вправо ль бросится,
а сбежала миноносица.

Но ударить удалось ему
по ребру по миноносъему.

Плач и вой морями носится:
овдовела миноносица.

И чего это несносен нам
мир в семействе миноносином?

Следующий день

Вбежал.
Запыхался победы гонец:
«Довольно.
К веселью!
К любви!
Грустящих к черту!
Уныньям конец!»
Какой сногшибательней вид?
Цилиндр на затылок.
Штаны – пила.
Пальмерстон застегнут наглухо.
Глаза —
двум солнцам велю пылать
из глаз
неотразимо наглых.
Афиш подлиннее.
На выси эстрад.
О, сколько блестящего вздора вам!
Есть ли такой, кто орать не рад:

«Маяковский!
Браво!
Маяковский!
Здо-ро-воо!»
Мадам, на минуту!
Что ж, что стара?
Сегодня всем целоваться.
За мной!
Смотрите,
сие – ресторан.
Зал зацвел от оваций.
Лакеи, вин!
Чтобы все сорта.
Что рюмка?
Бочки гора.
Пока не увижу дно,
изо рта
не вырвать блестящий кран...
Домой – писать.
Пока в крови
вино
и мысль тонка.
Да так,
чтоб каждая палочка в «и»
просилась:

«Пусти в канкан!»

Теперь – на Невский.
Где-то
в ногах
толпа – трусящий заяц,
и только
по дамам прокатывается:
«Ах,
какой прекрасный мерзавец!»

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

Вывескам

Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песьей
закружат созвездия «Магги» —
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.

Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!

Пролог

Вам ли понять,
почему я,
спокойный,
насмешек грозою
душу на блюде несую
к обеду идущих лет.
С небритой щеки площадей
стекая ненужной слезою,
я,
быть может,
последний поэт.
Замечали вы —
качается
в каменных аллеях
полосатое лицо повешенной скуки,
а у мчащихся рек
на взмыленных шеях
мосты заломили железные руки.
Небо плачет

безудержно,
звонко;
а у облачка
гримаска на морщинке ротика,
как будто женщина ждала ребенка,
а бог ей кинул кривого идиотика.
Пухлыми пальцами в рыжих волосиках
солнце изласкало вас назойливостью овода —
в ваших душах выцелован раб.
Я, бесстрашный,
ненависть к дневным лучам понёс в веках;
с душой натянутой, как нервы провода,
я —
царь ламп!
Придите все ко мне,
кто рвал молчание,
кто был
оттого, что петли полдней туги, —
я вам открою
словами
простыми, как мычанье,
наши новые души,
гудящие,
как фонарные дуги.
Я вам только головы пальцами трону,

и у вас

вырастут губы
для огромных поцелуев
и язык,
родной всем народам.
А я, прихрамывая душонкой,
уйду к моему трону
с дырами звезд по истертым сводам.
Лягу,
светлый,
в одеждах из лени
на мягкое ложе из настоящего навоза,
и тихим,
целующим шпал колени,
обнимет мне шею колесо паровоза.

Гейнеобразное

Молнию метнула глазами:
«Я видела —
с тобой другая.
Ты самый низкий,
ты подлый самый...» —
И пошла,
и пошла,
и пошла, ругая.
Я ученый малый, милая,
громыханья оставьте ваши.
Если молния меня не убила —
то гром мне
ей-богу не страшен.

Маруся отравилась

*Вечером после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ.
Вы не называйте его Борей, а, подделяваясь под гнусавый французский
акцент, должны называть его «Боб»...*

«Комс. правда»

*В Ленинграде девушка-работница отравилась, потому что у нее
не было лакированных туфель, точно таких же, какие носила ее подруга
Таня...*

«Комс. правда»

Из тучки месяц вылез,
молоденький такой...
Маруся отравилась,
везут в прием-покой.
Понравился Марусяке
один

с недавних пор:
нафабранные усики,
расчесанный пробор.
Он был

монтером Ваней,
но...

в духе парижан,
себе

присвоил званье:
«электротехник Жан».

Он говорил ей часто
одну и ту же речь:
– Ужасное мещанство —
невинность

зря
беречь. —

Сошлись и погуляли,
и хмурит

Жан
лицо, —

нашел он,
что
у Ляли
красивше бельецо.

Марусе разнесчастной
сказал, как джентльмен:
– Ужасное мещанство —

семейный

ЭТОТ

плен. —
Он с ней
 расстался
 ровно
через пятнадцать дней,
за то,
 что лакированных
нет туфелек у ней.
На туфли
 денег надо,
а денег
 нет и так...
Себе
 Маруся
 яду
купила
 на пятак.
Короткой
 жизни
 точка.
– Смер-тель-ный
 я-яд
 испит...

В малиновом платочке
в гробу
 Маруся
 спит.
Развылся ветер гадкий.
На вечер,
 ветру в лад,
в ячейке
 об упадке
поставили
 доклад.

За женщиной

Раздвинув локтем тумана дрожжи,
цедил белила из черной фляжки
и, бросив в небо косые вожжи,
качался в тучах, седой и тяжкий.

В расплаве меди домов полуда,
дрожанья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.

Вулканы-бедра за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татьей
ревниво взвились тупые стрелы.

Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, ощипавши с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.

Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросил выше
и, выдрав солнце из черной сумки,
ударил с злобой по ребрам крыши.

Послушайте!

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.

Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Вместо оды

Мне б хотелось
вас
воспеть
во вдохновенной оде,
только ода
что-то не выходит.

Скольким идеалам
смерть на кухне
и под одеялом!

Моя знакомая —
женщина как женщина,
оглошшая
от примусов пыхания
и ухания,
баба советская,
в загсе вѣнчанная,
самая передовая
на общей кухне.
Хранит она
в складах лучших дат

замужество
с парнем среднего роста;
еще не партиец,
но уже кандидат,
самый красивый
из местных письменосцев.

Баба сердитая,
видно сразу,
потому что сожитель ейный
огромный синяк
в дополнение к глазу
приставил,
придя из питейной.

И шипит она,
выгнав мужа вон:

— Я
ему
покажу советский закон!

Вымою только
последнюю из посуд —
и прямо в милицию,
прямо в суд... —

Что?

Крою
 пиво пенное, —
только что вам
 с этого?!

Что даю взамен я?
Что вам посоветовать?
Хорошо
 и целоваться,
 и вино.

Но...
вино и поэзия,
 и если
 ее
хоть раз
 по-настоящему
 испили рты,
ее
 не заменит
 никакое питье,
никакие пива,
 никакие спирты.

Помни
 ежедневно,
 что ты
 зодчий
и новых отношений
 и новых любовей, —
и станет
 ерундовым
 любовный эпизодчик
какой-нибудь Любы
 к любому Вове.

Можно и кепки,
 можно и шляпы,
можно
 и перчатки надеть на лапы.
Но нет
 на свете
 прекрасней одежды,
чем бронза мускулов
 и свежесть кожи.

И если
 подыметесь
 чисты́ и стройны́,

любую
 одежу
 заказывайте Москвошвею,
и...
 лучшие
 девушки
 нашей страны
сами
 бросятся
 вам на шею.

Весна

В газетах
 пишут
 какие-то дяди,
что начал
 любовно
 постукивать дятел.
Скоро
 вид Москвы
 скопируют с Ниццы,
цветы создадут
 по весенним велениям.
Пишут,
 что уже
 синицы
оглядывают гнезда
 с любовным вождением.
Газеты пишут:
 дни горячей,

налетели
 отряды
 передовых грачей.
И замечает
 естествоиспытательское око,
что в березах
 какая-то
 циркуляция соков.
А по-моему —
 дело мрачное:
начинается
 горячка дачная.
Плюнь,
 если рассказывает
 какой-нибудь шут,
как дачные вечера
 милы,
 тихий.
Опишу
хотя б,
 как на даче
 выделываю стихи.
Не растрчивая энергию
 среди ерундовых трат,

решаю твердо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.